

А.А. Боронин

Событие и персонажный субтекст

Цель публикации заключается в описании соотнесенности понятий «событие» и «персонажный субтекст». В статье показано, что план содержания персонажного субтекста представлен четырьмя семантическими подпространствами, каждое из которых обуславливает специфическую репрезентацию категории события. Проблема, обсуждаемая в статье, дает импульс к лингводидактическим и лингвокультурным исследованиям изображенной в художественном тексте коммуникации персонажей.

Ключевые слова: событие, персонажный субтекст, ментефакты и артефакты, информация, дискурс.

Семантическими «стержнями» настоящей работы являются понятия «событие» и «персонажный субтекст», а ее целью – сущностное описание отношений между ними, призванное восполнить явный пробел, который существует в теории интерпретации художественного текста: проблема событийного статуса персонажных субтекстов практически не рассматривалась в сопряжении текстоцентрического и антропоцентрического подходов. Подобное сопряжение подразумевает учет теоретического и практического опыта, накопленного в лингвистике текста, лингвопоэтике, философии языка и психолингвистике.

Событие – это значимая для субъекта речи ситуация смены (изменения). Одним из ориентиров для подобного определения события стали рассуждения И.В. Кондакова, который считает событие неординарным бытийным модусом, вызывающим к пониманию со стороны субъекта, новым для субъекта бытием, сдвигом бытийности, вызывающим «*сдвиг сознания* этой бытийности» (курсив И.К. – А.Б.) [5, с. 39–40]. Определение ситуации как новой и значимой связано с тем, что целью и значением сбывшегося (т.е. события), соотносимыми с его непосредственной ценностью, становится смысл, который «чреват последствиями, креативен, способен саморазвиваться и быть причиной иных событий и сценариев, контекстуален, и в этом смысле процессуален, но и атемпорален одновременно, точнее, может быть транслирован, привнесен в любой контекст» [3, с. 45]. С тем чтобы развить процитированную мысль, уточним – атемпоральность смысла может сигнализировать и о его существенной трансформации, когда он становится значением, устойчивым и мало изменяющимся даже при многократной речевой актуализации. Понимание событий часто закрепляется в языковых и речевых единицах, оно выражается с помощью значений и смыслов. Овнешнение значений и смыслов в виде языковых и речевых знаков и есть интерпретация. Мы изучаем ситуацию, когда отправной точкой для подобного овнешнения становится текст как сложная системно-знаковая совокупность. В художественном прозаическом произведении выделяется специфическая семиотическая подсистема, образуемая персонажными субтекстами. Персональный субтекст – это смоделированный результат вербализации ментальных процессов, соотносимых с литературными героями, актуализируемый в ситуациях словесного общения действующих лиц.

Персонажные субтексты представляют собой разные по смысловой ценности события. Первый аспект их событийности раскрывается в самом их существовании как объекта интерпретации в «вертикальной» художественной коммуникации. Это событийность эвристического характера. На лингвистический аспект событийности отрезков речи,

передающих словесную активность персонажей, указывает Н.Д. Арутюнова, замечая, что «прямая речь» персонажа имеет темпоральную протяженность, т.е. свои начало и конец, но поставленный в авторском вводе персонажной речи «глагол в совершенном виде сводит их в событийную точку-выкрик» [1, с. 13]: *I wonder if we shall hear the nightingale tonight, – said Mrs Renshaw* [13, с. 86].

Онтологическим признаком персонажного субтекста является его употребление в контексте коммуникативной ситуации. Коммуникативная ситуация как среда порождения и существования событий есть «совокупность ментальных и нементальных (натуральных) “вещей”, или, говоря иначе, совокупность артефактов и ментефактов» [7, с. 64]. Будучи *дискретными* (или относительно дискретными) элементами событийной среды, в процессе моделирования артефакты и ментефакты воплощаются в текстовых *сегментах*, что обеспечивает упорядоченность формально-содержательного плана и его большую или меньшую степень тождественности реальному событийному плану, с которого делается текстовой «слепок». Несомненна самодостаточность каждого ментефакта (под ним мы понимаем идеальное действие – «квант» психической деятельности: интенция говорящего, внутренняя установка, аффекты и эмоции) или артефакта (под ним мы понимаем любое семиотическое выражение идеального действия, соотносимого с психикой индивида, а также всякий элемент семиотического контекста, в котором протекает психическая деятельность общающейся личности). Самодостаточность ментефакта (аутоцентрация ментефакта, часто сопровождаемая спонтанным или намеренным эгоцентрическим замыканием, сосредоточением на собственной субъектности) и артефакта (например, автосемантия текста) находят отражение в проекции художественного текста и вносят вклад в формирование всех ее подструктур [2, с. 65–72]. Степень событийности ментефакта или артефакта будет прямо пропорциональна существенности их вклада в формирование частей текстовой проекции.

Ментефакт в большей мере дискурсивен, чем артефакт. Это проявляется в характере интерпретативного процесса, направленного на поиск обоих явлений. Артефакты обнаруживаются в результате анализа текста (субтекста) как закрытой системы. Подобный анализ текста (его сегмента) недостаточно верифицирует наличие ментефактов, т.к. условность их выражения, нечеткость их границ настоятельно требует применения иного подхода к их описанию. Необходимо соотнести объект и семиотическую среду, в которой он актуализируется, на основе общего сущностного признака. Таким совпадающим признаком является нечеткость, диффузность границ феномена. С чем же соотносится ментефакт по данному

признаку? Если текст уподобляется фигуре, а дискурс – фону, то первому будут свойственны «вещность, локализованность, симметричность, значимость, плотность, дискретность, определенность, замкнутость», а второму – «диффузность, плавность, меньшая очерченность, непостоянность, нелокализованность» [6, с. 196]. Таким образом, в рассматриваемом аспекте ментефакт соотносится с дискурсом – отсюда возникает методологическая необходимость дискурсивного анализа этого явления.

Если признать, что дискурсу присущи нелинейность и нелокализованность, то вполне уместным будет допущение о сопутствующих коммуникативно-дискурсивной развертке пространствах – метауровнях. На одном или нескольких метауровнях, сопровождающих реальную коммуникацию и выводимых из нее, событие не проявляет себя в наличной актуальности: категория событийности либо выводится ретроспективно, если имеется в виду текстосфера, либо проспективно, если речь идет об интенциональном метауровне, которому имманентна напряженность ожидания события – диалогической встречи двух *Я*.

В действительной коммуникации событийный пласт чрезвычайно сложен, проблемой становится не только выделение компонентов события, но и само приписывание чему-либо статуса событийности. Исследуя коммуникацию персонажей в художественном тексте, приходится иметь дело с еще одной проблемой, заключающейся в определении статуса коммуникативной ситуации в произведении. Ее разрешение становится возможным благодаря сочетанию текстоцентрического и антропоцентрического подходов. Первый из них подводит исследователя к выявлению текстовых признаков и функций, из которых формируется качественная определенность фикциональной коммуникативной ситуации, а второй – к концентрации внимания на интерпретирующем субъекте (адресант, адресат). Реализуя первый подход, необходимо проанализировать признаковый и функциональный аспекты текстового фрагмента, в котором воспроизводится коммуникативная ситуация. Событийный статус коммуникативной ситуации как часть ее качественной определенности выясняется при анализе роли коммуникативной ситуации в показе существенного нарративного момента, онтологически релевантного для всего текста. В этом случае проливается свет на внутреннюю событийность, которую допустимо рассматривать как текстовую категорию. Однако к признакам, определяющим художественность текста, нельзя не отнести отсутствие четких разделительных швов между действительностью и воссоздаваемым альтернативным миром. Абсолютное отсутствие этих швов едва ли возможно. Дело в том, что словесное копирование мира действительности зачастую так или иначе обречено на фиаско. Например, «чувства

и аффекты, переживаемые / представляемые вербально, не являются копиями аффектов и чувств, переживаемых реально: описание их с помощью естественного языка неизбежно оказывается неполным / редуцированным (и сукцессивно статичным?)» [8, с. 95].

Мир действительности и альтернативный мир, несомненно, взаимопроницаемы, что подводит нас к важному тезису: взаимопроникновение двух экзистенциальных модусов – принципиальный, существенный момент возникновения сверхценности словесного произведения (его художественности). Экзистенциальное перекрестье задает внешнюю событийность, которая одновременно является внеположенной по отношению к тексту и вместе с тем парадоксальным образом концентрируется в пределах персонажного субтекста. Внешняя событийность осознается субъектом настолько, насколько сформирована его дискурсивная компетенция, понимаемая как умение различать дискурсивные типы, ориентирующее индивида при осуществлении мыслеречевой деятельности – при сегментации и делимитации текста, временной атрибуции текста, установлении меры собственной вовлеченности в тот или иной тип дискурса или меры противопоставленности дискурсивному типу. Развитие дискурсивной компетенции – значимого фактора успешной межкультурной коммуникации – первостепенная задача продвинутого этапа обучения иностранному языку.

В результате изучения большого массива персонажных субтекстов в художественной прозе мы признали целесообразность выделения в их семантическом пространстве четырех видов информации: содержательно-фактуальной, коммуникативно-регулятивной, эмоциональной и концептуальной информации. Можно утверждать, что каждый вид информации содержит в себе заряд событийности. Наложение разных информационных пространств приводит к тому, что событие постоянно разворачивается, сигналы событийности то усиливаются, то ослабевают, но никогда полностью не затухают. Ослабление событийности, передаваемой с помощью одного вида информации, компенсируется нарастанием событийных импульсов, передаваемых посредством другого вида информации. Разреженность событийной семантики одного информационного подпространства оборачивается возрастанием плотности другого информационного подпространства в событийно-семантическом плане.

Такой компенсационный механизм реализуется благодаря неодинаковому онтологическому статусу события, поскольку событийность может быть внешней и внутренней. Содержательно-фактуальная информация по мере своего усложнения стремится к внутренней событийности – «констелляции» сложных денотатов на основе стабильного более простого

содержательного элемента представляют собой *смену* контекстов для этого элемента. Даже если эти контексты сходны в содержательном отношении, при языковом перекодировании все равно происходит их смена.

...“How about it? Shall I wear the brown *suit* another day?”

“Well, *it looks awfully nice on you.*”

“I know, but gosh, *it needs pressing.*”

“That’s so. Perhaps *it does.*” [14, с. 9].

Ввод простого денотата задает точку отсчета для разворачивания события в содержательно-фактуальной плоскости, события как сменяющих друг друга сведений о предмете, для которого причинно-следственные связи не столь существенны. Для события в таком понимании существенна лишь сама смена однопредметно-ориентированных сведений, т.е. такое событие не может восприниматься вне лакуарности, вне смысловых зазоров, его сопровождающих, что отражается в проекции текста, становясь одним из факторов, влияющих на формирование лакуарной подструктуры текстового образа.

Смена контекстов для одного и того же содержательного элемента в конечном счете ведет к денотативным сдвигам и ветвлениям – к замене одного простого семантического элемента содержательно-фактуального уровня другим или другими, вокруг которых начинает выстраиваться свой контекст. Денотативные сдвиги, ветвления, возвраты-петли создают специфическую событийность персонажных субтекстов, закрепляемую в категориях проспекции и ретроспекции [4, с. 105–113]. В силу этого обстоятельства мы говорим именно о внутренней событийности, актуализируемой в персонажных субтекстах с помощью содержательно-фактуальной информации.

Средства выражения коммуникативно-регулятивной информации, как правило, тяготеют к языковой (лексико-синтаксической) и речевой (ситуативно-прагматической) шаблонности, что облегчает изучение иностранного языка, но может создавать нежелательный элемент искусственности обучающего контекста при переоценке данного вида информации. Коммуникативно-регулятивная информация неразрывно связана с формализацией самого события, с его формально-языковым выводением за содержательные рамки художественного произведения: “*You should see a doctor yourself,*” *I said. A newcomer joined us – I hadn’t heard him enter. He was a young man neatly dressed in European clothes. He said in English, “Mr. Chou has only one lung.” “I am very sorry...”* [12, с. 117].

Выделенный персонажный субтекст – это отголосок внешней событийности, концентрирующий в себе опыт коллективной языковой личности по многократному ситуативному использованию стандартной речевой

конструкции. Есть и другой, более тонкий, нюанс внешней событийности, заключающийся в тривиальном характере речевого или параречевого действия: уникальность действия как событийный признак ставится под вопрос, что заставляет трактовать его как состояние, внешнее по отношению к подлинному событию. Кроме этого, коммуникативно-регулятивная информация (частым ее выразителем являются вопросительные конструкции) содержит в себе зародыш энтропии, хотя она, как правило, и направлена на преодоление неопределенности: ... «*Not exactly a tourist-paradise and longer?*» «*No. It never really was.*» «*But perhaps a few opportunities for a man of imagination?*» «*It depends.*» «*On what?*» «*The kind of scruples you have.*» [11, с. 44].

Несмотря на сказанное, вряд ли стоит сомневаться в событийности коммуникативно-регулятивного семантического подпространства персонажного субтекста, т.к. оно координирует события и тем самым если и не становится их главным выразителем, то, по крайней мере, выступает как их предвестник или последствие.

Событийный статус эмоциональной информации не подлежит сомнению, ибо значимость ситуации смены для говорящего передается наиболее выразительно – посредством реактивного перехода от раздельности, дискретности к синтетическому отношению, когда *Я* говорящего выходит на первый план: “*Oh, dear,*” said Miss Minton, *flushing painfully.* Mrs. Cayley looked shocked. Mrs. O’Rourke merely chuckled [9, с. 148].

Таким образом, эмоциональная информация событийна двояко: она маркирует внешнее для адресата событие и одновременно выступает как ответная реакция, представляющая собой уникальное антропоцентрическое событие, значимость которого не скрадывают даже неполнота, неточность и шаблонность его языкового выражения.

В лингвистике сверхценность словесного сообщения у многих исследователей получает обозначение с помощью термина «концептуальная информация». С этим видом информации напрямую связано проявление художественности как онтологического признака текста. Усмотрение концептуальной информации – сверхпризнаков, высвобождающихся от семиотических «оков», – расширяет фактические границы художественного текста и знаменует становление онтологического события, актуализирующего семиотический и интенциональный метауровни коммуникации. Специфика событийности при восприятии концептуальной информации сводится к порождению новых ментальных пространств, в определенной мере альтернативных как семантическим пространствам, моделируемым в художественном тексте, так и семантическим пространствам в реальном мире, из которых индивид «вычерпывает»

ориентирующие его деятельность жизненные смыслы. Проведенный нами во второй половине 2010 г. – начале 2011 г. психолингвистический эксперимент (ему будет посвящена наша отдельная публикация) показал, что даже в терминах мономодальной интерпретации испытуемые конструируют собственные лингвоментальные пространства, порой выводя их из интерпретации лишь отдельного простого денотата, представленного в персонажном субтексте.

Воссоздание концептуальной информации требует постоянного контекстуального расширения, обеспечивающего трансформацию одного информационного пространства в качественно иное, концептуальное: *“Good-bye, dear Uncle Jolyon, you have been so sweet to me.”*

“To-morrow then,” he said. “Good-night. Sleep well.”

She echoed softly: “Sleep well!” and in the cab window, already moving away, he saw her face screwed round towards him, and her hand put out in a gesture which seemed to linger [10, с. 374].

Концепт как «квант» анализируемого вида информации есть смысловое сгущение, возникающее там, где скрещиваются значения языковых и (в) неязыковых кодов и где объект интерпретации есть априорная лакуна. Переход на надлинейный информационный уровень, стержнем которого является концептуальная информация, означает такое заполнение лакун, которое возможно только при «наивном» осмыслении, при возвращении к доязыковым истокам, к состоянию, предшествующему любой деятельности. Можно прийти к заключению, что лакуна – это начальный пункт, предвосхищающий развитие события и никоим образом не ограничивающий разнообразие возможностей событийного развития. Незамкнутость структуры, которой является художественный текст (частный случай – семантическая открытость текстолингвистических единиц, изображающих коммуникативные ситуации в художественной прозе), объясняется не иначе как его онтологической событийностью, соотносимой с концептуальной информацией. Само ее усмотрение-осмысление становится неоспоримым и ярким свидетельством того, что сводится к минимуму риск ситуации (она может стать печальной реальией дискурса будущего), когда существует «текст без читателя».

Кратко подытоживая все вышеизложенное, отметим, что адекватное соотнесение понятий «событие» и «персонажный субтекст» зиждется на конструировании и описании полиреальности, слагаемые которой – дискурсивные типы, представленные в действительности или в вымышленном художественном мире, с одной стороны, и виды информации, содержащиеся в персонажных субтекстах, – с другой. Пристальное внимание к языковым и речевым средствам выражения разнородной

информации и дискурсивных типов развивает у студентов, изучающих иностранный язык, восприимчивость к событийности, заложенной в персонажных субтекстах, повышает уровень их дискурсивной компетенции.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Вступление. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 3–18.
2. Боронин А.А. Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы): Монография. М., 2007.
3. Буданов В. Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и Смысл (Синергетический опыт языка) / Под ред. Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко. М., 1999. С. 38–66.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стереотип. М., 2005.
5. Кондаков И.В. Архитектоника события // Мир психологии. 2000. № 4. С. 38–50.
6. Новодранова В.Ф. Когнитивные основания распределения информации в научном тексте // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 194–198.
7. Психосемиотика телесности / Журавлёв И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А. и др.; Под общ. ред. и с предисл. И.В. Журавлёва, Е.С. Никитиной. М., 2005.
8. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М., 2007.
9. Chistie A. N or M? M., 2004.
10. Galsworthy J. The Man of Property. M., 2000.
11. Green G. The Comedians. M., 2004.
12. Green G. The Quiet American. M., 2004.
13. Lawrence D.H. The Princess and Other Stories. M., 2002.
14. Lewis S. Babbitt. СПб., 2005.